

В западном крыле двора семьи Мяо Ли Яньцзы и Мяо Ван яростно спорили: «Я не согласна! Как ни крути, всё это делается ради твоей сестры! Да, она твоя родная сестра, она растила тебя с самого детства, ты хочешь помочь ей деньгами и зерном — я слова против не сказала! Но и этого тебе, значит, мало? Теперь ты ещё и нашего сына собираешься в это втянуть! Может, тогда уж сразу весь наш дом перевезём и отдадим твоей сестре?!»

Мяо Ван опустил голову, голос его звучал слабо: «Я всего лишь обсуждаю это с тобой, не нужно всё так утрировать. Что значит „втянуть“? Это ведь явно выгодно обеим сторонам. Если брать какую-нибудь другую невесту со стороны, только один выкуп обойдётся нам в пять-шесть лянов серебра — разве это легко накопить? А если породниться с семьёй моей сестры, платить такую сумму вообще не придётся».

С тех пор как Шэнь Цин вместе с матерью ушли из семьи Шэнь, оба брата Мяо Ши беспокоились о её будущем. Её благополучие всё равно зависело бы от будущего мужа гера Цина — в конце концов, не было в этом мире ни одного гера, который не вышел бы замуж.

Идеальный план Мяо Сина заключался в том, чтобы гер Цин вышел замуж за человека из деревни Шицю. Во-первых, здесь все хорошо знали друг друга, а во-вторых, если в будущем у Шэнь Цина возникнут какие-то проблемы или притеснения, семья сможет сразу за него заступиться. Раз они из одной деревни, здесь не повторится ситуация, как в Ланьтане.

Но Шэнь Цин уже ясно дал понять: если он выйдет замуж, то обязательно заберёт с собой мать.

Деревня Шицю была зажиточной, и с невестами здесь проблем не возникало. Молодые девушки и геры из других деревень наперебой стремились выйти замуж в Шицю, так что у местных парней выбор был богатый. С какой стати кому-то выбирать Шэнь Цина, не особенно красивого, с дурной славой за свирепый нрав, да ещё и с матерью на содержании?

Во всей деревне так и не нашлось ни одного человека, готового взять его в семью. Как раз в тот момент, когда Мяо Ван начал тревожиться, его жена Ли Яньцзы завела разговор о браке их старшего сына Мяо Юя.

Мяо Ван вдруг понял, что их сын уже достиг брачного возраста, и придумал идеальный план. Если гер Цин выйдет замуж за чужого и уведёт с собой Мяо Ши, их состояние в семье мужа неизбежно будет дискомфортным, придётся постоянно прислуживать свёкрам. А если его собственный сын женится на Шэнь Цине, то Мяо Ши фактически вернётся в родной дом, все в семье станут родственниками. Разве это не прекрасно?

Он счёл эту мысль замечательной, но его жена была категорически против. Ли Яньцзы и представить не могла, что её мимолётное упоминание о браке сына наведёт мужа на такую идею. Она чуть ли не готова была дать себе пощёчину за то, что вообще заговорила об этом!

К самой Мяо Ши у неё претензий не было — они ладили вполне сносно, да и Мяо Ши была слишком мягкой, чтобы кого-то обидеть. Но золовка в родительском доме — всё равно гостья. Когда та приезжала, Ли Яньцзы должна была по меньшей мере тепло её принимать, если не откровенно прислуживать. День-другой это ещё можно стерпеть, но кто захочет жить с золовкой постоянно, всё время чувствуя себя на ступень ниже?

Даже если не говорить о совместной жизни с Мяо Ши, в будущем забота о ней легла бы на плечи сына Ли Яньцзы. Ему пришлось бы содержать ещё одного пожилого человека. Может,

другим было бы всё равно, но Ли Яньцзы это сильно волновало!

Как племянник гер Цин был замечательный, но как будущий супруг для её сына? Ни за что!

Шэнь Цин был на четыре года старше её сына! Он не отличался особой красотой, прославился свирепым характером, а какая мать не хочет для своего ребёнка мягкого, покладистого и красивого супруга? И самое главное — Шэнь Цин был гером, его метка беременности была бледной, да и по одному телосложению было видно, что он не из тех, кому легко рожать детей!

В сельских семьях при выборе невестки или фулана существовали негласные правила. Старшие всегда говорили, что широкие бёдра — залог лёгких родов. Это была не суеверная примета, а практическое наблюдение: широкие бёдра часто означали более просторный таз, а значит, роды проходили легче и с меньшим риском осложнений. При нынешнем уровне медицины роды и вправду были делом жизни и смерти. В каждой деревне находились истории о женщинах, умерших при родах.

Ли Яньцзы хотела для сына такого супруга, который сможет без проблем рожать детей. А Шэнь Цин? Широкие плечи и узкие бёдра — идеальный перевёрнутый треугольник. Как ни смотри, до идеального фулана он явно не дотягивал.

«Я никогда на это не соглашусь! Даже не думай! Сяо Юю всего пятнадцать. Пусть хоть в двадцать женится — это совсем не поздно. Ты думаешь, я не смогу за пять лет накопить пять-шесть лянов серебра? Запомни раз и навсегда: забудь о гере Цине, я позволю сыну жениться только на девушке, а не на гере!»

Ли Яньцзы яростно уставилась на Мяо Вана и продолжила: «Какие семьи вообще женят своих детей на герах? Те, у кого сыновей слишком много и денег нет! Старший сын берёт в жёны девушку, а младшие братья женятся на герах, потому что род в любом случае продолжится. А у нас только один Сяо Юй! И ты ещё смеешь говорить ему жениться на гере Цине? Ты что, готов ради помощи своей сестре позволить нашему роду прерваться?!»

Мяо Ван, окончательно взбешённый этим потоком слов, швырнул предмет, который держал в руках, на кровать. «Следи за языком! Что значит „позволить нашему роду прерваться“? Какая ещё тётка станет так проклинать собственного племянника?!»

«А что я сказала? Я сказала правду! Что, разозлился? Хочешь меня ударить? Ну давай, бей прямо сюда!..»

Ссора становилась всё громче. В соседней комнате Мяо Син и его жена сидели в неловком молчании. Вообще-то, как старший брат и невестка, они должны были вмешаться и уладить конфликт. Но Лю Юэ бросила взгляд на мужа и поняла, что он втайне тоже поддерживает идею женитьбы на гере Цине.

Сама же Лю Юэ испытывала лишь облегчение. У её мужа мелькала та же мысль: он считал лучшей парой для гера Цина их старшего сына Мяо Жэня. Однако Мяо Жэнь ещё весной был помолвлен, обручение уже состоялось, и будущая невестка должна была прийти в дом следующей зимой. У Мяо Сина были свои правила: он никогда бы не заставил сына разорвать помолвку ради брака с гером Цином.

Младшему сыну, Мяо Шаню, было всего девять лет, так что о нём и речи быть не могло. В итоге единственным возможным кандидатом оставался пятнадцатилетний Мяо Юй.

И всё же Лю Юэ прекрасно понимала Ли Яньцзы. Если бы Мяо Жэнь не был помолвлен, она и

сама билась бы с мужем до последнего, лишь бы не позволить сыну жениться на гере Цине!

У каждого были свои расчёты. Они могли жалеть Мяо Ши и Шэнь Цина, сочувствовать им, даже протянуть руку помощи, но всему есть предел. Если это означало навредить будущему собственных детей, такое было совершенно недопустимо. Сейчас Лю Юэ могла лишь молча надеяться, что Ли Яньцзы выиграет этот спор.

Но стоило ей только так подумать, как судьба будто решила сама вмешаться.

Среди криков и ругани, связанных с Шэнь Цинем и его матерью, снаружи двора раздался голос: «Семья Мяо! Мяо Ши с сыном вернулись! Да ещё и на повозке, везут кучу вещей!»

У Лю Юэ сжалось сердце. На повозке? Да ещё с таким количеством вещей? Неужели Мяо Ши совсем не смог свести концы с концами и без спроса решила вернуться в родной дом?

В западном крыле спор внезапно оборвался. Ли Яньцзы резко распахнула дверь, лицо её помрачнело: «Где они?»

«Только что проехали деревенские ворота», — ответила женщина, принеся новость, с любопытством разглядывая Ли Яньцзы и Мяо Вана. Это была известная сплетница, обожавшая совать нос в чужие дела, иначе с чего бы ей так рьяно бегать с новостями.

«А что у вас случилось? Вы что, поругались? Я крики издалека слышала».

Ли Яньцзы натянуто улыбнулась: «Да ничего особенного. У кого дома не бывает ссор? Пустяки». Но мысли её лихорадочно метались. Как и Лю Юэ, она сразу решила, что Мяо Ши и Шэнь Цин всё это тайно обсудили с Мяо Ваном и теперь приехали официально переселяться. Сжав губы, она поправила причёску. Даже если это будет тяжёлая битва, она намеревалась сражаться до конца!

«Пойду посмотрю: с чего это вдруг старшая сестра решила приехать именно сейчас?»

Когда Шэнь Цин и Мяо Ши въехали в деревню на повозке, многие односельчане стали приветствовать их и расспрашивать о жизни Мяо Ши. Всё-таки она родилась и выросла здесь, многие видели, как она взрослела. Услышав о том, что ей пришлось пережить в семье Шэнь, жители деревни возмущались и оскорбляли семью Шэнь за жестокое обращение с ней.

«Да я таких бессовестных людей в жизни не видела! И вообще, вся деревня Ланьтан какая-то гнилая. Этот Чжао Юдан всегда выносит пристрастные решения. Я бы вообще сказала, чтобы с ними никаких браков больше не заключали!»

«Вот именно! Их деревня и рядом с нашей не стоит, а они ещё посмели издеваться над дочерью нашей деревни».

«Как у тебя сейчас дела? Справляетесь? Если тяжело, так возвращайся обратно. Братья ведь не будут сидеть сложа руки».

Ли Яньцзы подошла как раз в тот момент, когда прозвучала последняя фраза, и ей страшно захотелось отчитать того, кто это сказал. Тебе легко говорить! Ты хоть понимаешь, сколько проблем создаёшь парой слов?!

Но, к её облегчению, она услышала, как Мяо Ши отказалась: «У нас всё хорошо. Мы сняли дом на год, так что возвращаться нет нужды. Да и в доме моей матери не так уж просторно — у

племянника свадьба в следующем году, у них самих места не хватает. Я просто приехала навестить мать и привезти ей кое-что. За все эти годы я мало что смогла для неё сделать, мне стыдно».

Жители деревни посмотрели на неё с сочувствием.

«Это не твоя вина. Ты вышла замуж в плохую семью. Что ты могла поделать? Сейчас вам лучше, и это главное. Да и посмотри, сколько всего ты привезла! Какая ты почтительная дочь».

Увидев огромную свиную ногу, два куска добротной ткани и даже два цзиня сладостей, сельчане искренне поверили, что у Мяо Ши всё складывается неплохо. Кто когда видел, чтобы замужняя дочь привозила в родной дом такие щедрые подарки?

Теперь даже Ли Яньцзы была в замешательстве. Значит... они приехали не переселяться? И правда всего лишь в гости?

Когда Ли Яньцзы вернулась домой, жуя сладости и перебирая гладкую ткань, она всё ещё пребывала в растерянности. Мяо Ши и гер Цин, казалось, жили даже лучше их самих.

Старая госпожа Мяо радовалась больше всех. Она погладила ткань, которую Мяо Ши выбрала для неё, затем взяла дочь за руку, и глаза её наполнились слезами от волнения. «Бедная моя девочка, ты наконец-то всё пережила... Тогда это была моя вина. У меня не было ни сил, ни ума — я была слепа и выбрала для тебя такую семью».

Если кто-то и задавался вопросом, откуда у Мяо Ши привычка так легко плакать, то ответ был очевиден: она унаследовала её от матери. Их характеры были совершенно одинаковы. Стоило старой госпоже Мяо расплакаться, как у Мяо Ши перехватило горло, и мать с дочерью, прижавшись друг к другу, разрыдались вместе.

Поплакав какое-то время, они наконец смогли успокоиться. Мяо Ши вытерла глаза и сказала: «Это была не твоя вина, мама. При нашем тогдашнем положении семья Шэнь на самом деле считалась хорошим вариантом».

Даже сейчас семья Шэнь считалась одной из зажиточных в деревне Ланьтан. Это была вовсе не нищая семья. У них имелось пять просторных комнат, по три большие боковые комнаты в каждом крыле, все сложенные из прочного серого кирпича и покрытые черепицей, которая не протекала даже в сильный дождь. Уже один дом ставил их выше более чем половины деревни. Кто бы им не позавидовал?

Даже в самые тяжёлые годы у Шэнь Цина по крайней мере была своя комната. У них было около десяти му земли, каждый год они выращивали двух-трёх свиней и держали с десяток кур. Как крестьяне мерили достаток? Именно такими вещами.

А если говорить откровенно, в молодости Шэнь Чжигао считался одним из самых красивых мужчин в окрестных деревнях — высокий, крепкий. Перед свадьбой Мяо Ши тайком посмотрела на него и осталась вполне довольна.

Если условия были плохими, разве стала бы вдова Ли среди всех мужчин деревни выбирать именно его?

Но кто мог предугадать будущее?

Не желая задерживаться на болезненных воспоминаниях, Мяо Ши достала светло-зелёную

ткань и передала её Лю Юэ и Ли Яньцзы, переводя разговор в другое русло: «Я очень благодарна вам обоим за то, что все эти годы заботились о моей матери. Как дочь, я мало чем могла ей помочь, вам пришлось нелегко. Возьмите эту ткань, сошьёте ли вы из неё кофточку или что-нибудь детям, она в любом случае вам пригодится. А с той, что я дала матери, прошу вас, пошейте ей стёганую куртку».

«Ой, спасибо тебе», — искренне обрадовалась Лю Юэ. Ткань была куда лучше той, которую могла позволить себе обычная крестьянская семья. Если бы ей пришлось покупать такую самой, она бы долго сомневалась. В её возрасте такая яркая вещь была ей ни к чему, зато у неё была тринадцатилетняя дочь.

«Одежду для матери я сошью».

Отрез был таким большим, что даже после пошива одежды для старой госпожи Мяо осталось бы ещё немало — хватило бы и на чехлы для обуви, и на небольшой мешочек.

Но Мяо Син и Мяо Ван не могли так легко отвлечься на подарки и ткань. Их брови плотно сдвинулись. «Откуда у вас вообще взялись деньги на всё это?»

Они прекрасно знали, сколько денег было у Мяо Ши и Шэнь Цина. В конце концов, именно они ездили в деревню Ланьтан, чтобы помочь вернуть долги. Мать с сыном едва сводили концы с концами — откуда вдруг взялась такая сумма, чтобы купить мясо и ткань?

Шэнь Цин поспешил объяснить, что ему удалось подстрелить дикого кабана в горах: «Просто повезло. Я сразу же дотащил его домой и в тот же день продал мясо в деревне. Эта нога даже не покупная, она от того кабана, которого я добыл».

«Я-то всё думала, почему мясо такое постное. Решила, что вас мясник обманул», — Лю Юэ прищёлкнула языком от удивления, обходя свиную ногу кругом и разглядывая её. В эти времена люди больше всего ценили жирное мясо, считая его лучшим, а у дикого кабана жира было немного.

«Так это дикий кабан! Я никогда его не пробовала. Гер Цин, да ты, оказывается, довольно способный!»

«Что?! — в отличие от Лю Юэ, сосредоточенной на свиной ноге, Мяо Син и Мяо Ван смотрели только на Шэнь Цина. — Ты правда осмелился убить дикого кабана? Ты что, смерти себе ищешь?!»

«Это, конечно, немалые деньги, но кое-что я уже откладывал раньше, когда ходил за хворостом. Мы можем позволить себе немного потратиться. К тому же уже много лет мы ничего не могли подарить бабушке, — с улыбкой сказал Шэнь Цин. — А эта ткань подержанная. В богатых домах из неё делали пологи для кроватей, потом снимали и продавали со скидкой, так что она обошлась совсем дёшево».

Даже если ткань была подержанной, деревенских это нисколько не смущало. Напротив, все считали, что Шэнь Цин просто сообразительный, раз сумел так выгодно купить её. Лю Юэ спросила: «А где ты её взял? В следующий раз, если найдёшь что-то такое же хорошее и дешёвое, скажи мне, я тоже куплю».

Но Мяо Син покачал головой: «Я боюсь, что ты привыкнешь к лёгким деньгам и станешь смелее. Тебе лучше держаться подальше от тех гор».

Если не ходить в горы, чем тогда зарабатывать на жизнь? Они что, собирались содержать Шэнь Цина и его мать? Лю Юэ разозлилась, но ничего не сказала. Вместо этого она взяла нож и отрезала кусок от свиной ноги, меняя тему: «Вы сидите и разговаривайте с матерью, а я приготовлю ужин. Мяо Ши и гер Цин, оставайтесь сегодня у нас. Давно вся семья не собиралась вместе».

Ли Яньцзы задумалась. Обычно в такой момент она бы пошла на кухню вместе с Лю Юэ — они всегда готовили вдвоём. Но сейчас у неё на душе было слишком беспокойно. Она боялась упустить что-то важное, поэтому осталась в комнате.

И действительно, после непринуждённой беседы Мяо Ши наконец заговорила: «На самом деле, у меня есть ещё одна причина, по которой я приехала. Я хочу попросить вас об одолжении».

Вот оно! Сердце Ли Яньцзы замерло, но вместе с тем она почувствовала странное облегчение, словно тяжесть наконец опустилась на землю, а не висела неизвестно где. Спина её напряглась, и она быстро перебрала в голове список вежливых, но твёрдых отказов, готовясь к битве, как только Мяо Ши закончит говорить.

<http://bllate.org/book/14994/1373372>